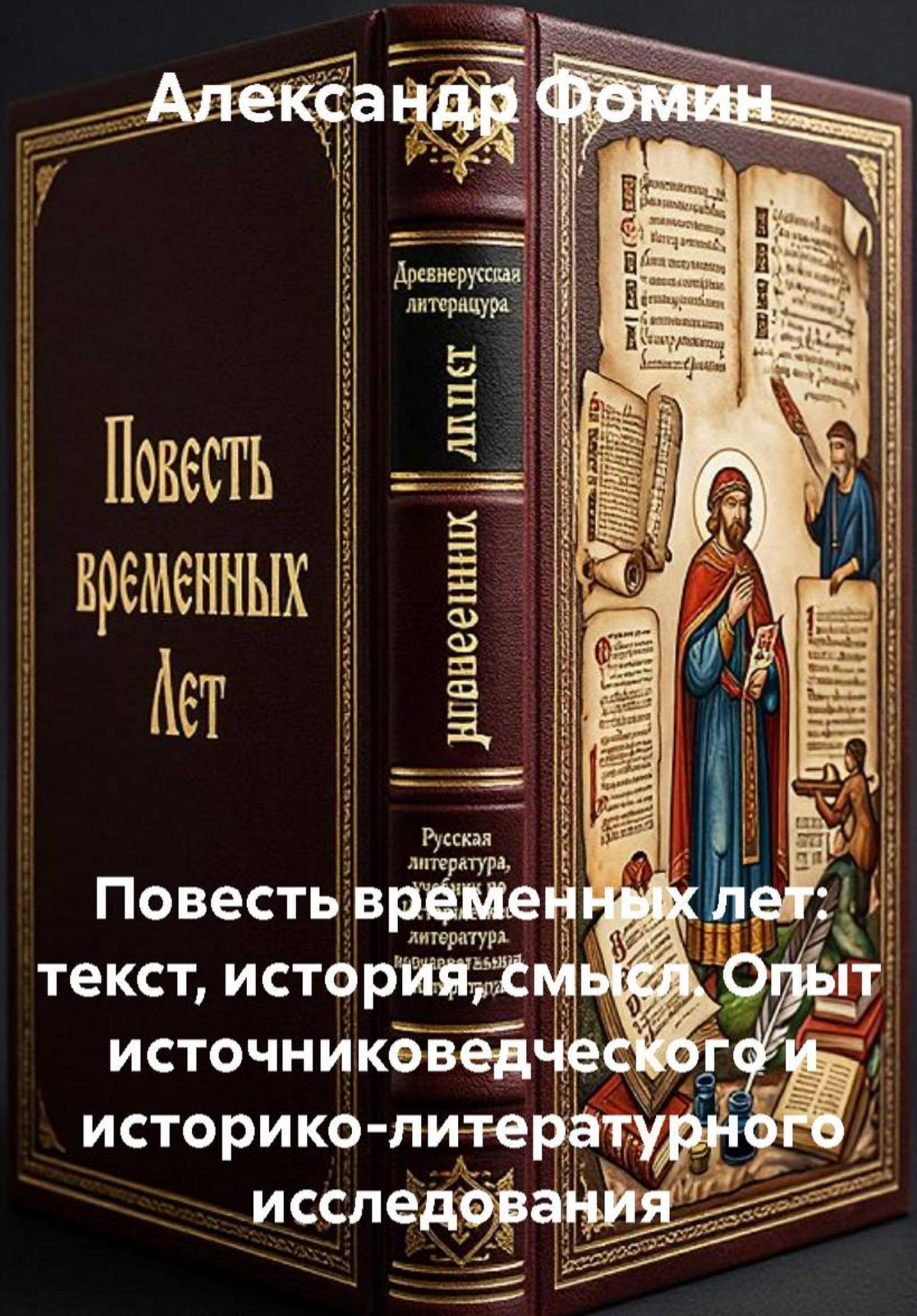
Александр Фомин

Повесть временных лет: текст, история, смысл. Опыт источниковедческого и историко-литературного исследования

Впервые предпринят сводный испориографический

Александр Фомин

Повесть временных лет: текст, история, смысл. Опыт источниковедческого и историко-литературного исследования

«Автор»
2026

Фомин А.

Повесть временных лет: текст, история, смысл. Опыт источниковедческого и историко-литературного исследования / А. Фомин — «Автор», 2026

Книга посвящена «Повести временных лет» — древнейшему сохранившемуся в полном объёме своду русского летописания, созданному в Киеве в 1110-х годах. Впервые предпринят сводный историографический анализ исследований памятника от А. А. Шахматова (1897–1916) до А. А. Гиппиуса (2007–2008), С. М. Михеева (2011) и А. С. Щавелева (2024). Рассмотрены ключевые проблемы: соотношение «сводов» и «редакций», авторство и приписка Сильвестра, датировка и предшествующие своды, источники (византийские, болгарские, апокрифические, устные), историософия и политическая идеология, поэтика и язык, этнокультурный контекст и образ «своего» и «чужого». Предложена компромиссная гипотеза о «двух этапах» формирования текста: ядро сложилось в 1090-е годы, окончательная редакция — к 1116 году, а «третья редакция» остаётся вероятной, но не доказанной. Для филологов-медиевистов, историков, преподавателей и студентов, а также всех интересующихся древнерусской книжностью.

© Фомин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
Глава 1. Текст и его судьба: от Лаврентьевского списка до критических изданий 7
Глава 2. Проблема авторства и «сводов»: от Шахматова до наших дней 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Повесть временных лет: текст, история, смысл. Опыт источниковедческого и историко-литературного исследования

Введение

«Повесть временных лет» — древнейший сохранившийся в полном объёме свод русского летописания. Она была создана в Киеве в 1110-х годах и дошла до нас в составе пяти основных списков XIV–XVI веков: Лаврентьевского (1377), Радзивиловского (кон. XV в.), Московско-Академического (кон. XV в.), Ипатьевского (нач. 1420-х гг.) и Хлебниковского (кон. 1550-х – нач. 1560-х гг.). На протяжении двух столетий этот текст находится в центре научной полемики. Споры о его композиции, о соотношении «сводов» и «редакций», об авторстве, о степени политической ангажированности и о его историософской основе не утихают и сегодня. Каждое поколение исследователей задаёт памятнику свои вопросы — и получает свои ответы. Наша книга — опыт сводного историографического анализа этой полемики и попытка нового синтеза, который примиряет крайние точки зрения и намечает перспективы дальнейшего изучения.

Парадокс изучения «Повести временных лет» состоит в следующем. Чем больше мы знаем о тексте, тем сложнее становится картина. Первые публикации XVIII века дали науке сам текст. Текстологические штудии А. А. Шахматова (1897; 1908; 1916) реконструировали историю его бытования и создали схему трёх редакций и предшествующих сводов, которая до сих пор остаётся точкой отсчёта. Работы В. М. Истрина (1923–1924), С. А. Бугославского (1941) и М. Х. Алешковского (1969; 1971) поставили под сомнение отдельные звенья этой схемы. Исследования Д. С. Лихачёва (1979) и А. А. Шайкина (1989; 2011) раскрыли художественную природу летописи. Лингвотекстологические штудии А. А. Гиппиуса (2007–2008) и С. М. Михеева (2011) вернули в науку вопрос об авторстве на новом уровне. А работы М. Н. Громова (1975; 1976), И. Н. Данилевского (2004) и С. В. Алексеева (2011) показали, что ПВЛ — это не только «свод», но и первый опыт русской историософии. И тем не менее — вопрос о датировке остаётся открытым, вопрос об авторстве не решён, вопрос о соотношении «свода» и «авторского текста» продолжает вызывать дискуссии.

Наша задача — не «закрыть» эти вопросы, а понять их логику и наметить пути их решения. Мы исходим из того, что историография ПВЛ — это не набор разрозненных мнений, а целостный процесс, в котором каждая новая работа вырастает из предыдущих и отвечает на них. Проследить этот процесс — значит понять, как наука движется от текста к смыслу.

Степень изученности вопроса. Историография ПВЛ насчитывает более пятидесяти крупных исследований, но каждое из них меняло оптику. Мы выделяем три магистральные линии.

Первая линия — текстологическая. Её начало положил А. А. Шахматов (1897; 1908; 1916), который реконструировал несохранившиеся своды, предшествовавшие ПВЛ, и создал схему трёх её редакций. Его критики — В. М. Истрин (1923–1924), С. А. Бугославский (1941), М. Х. Алешковский (1969; 1971) — поставили под сомнение отдельные звенья этой схемы. Л. Мюллер (1967) и О. В. Творогов (1976) уточнили границы «третьей редакции» и «Начального свода». А. А. Гиппиус (2007–2008) вернул гипотезу о «третьей редакции» на новом уровне, а С. М. Михеев (2011) предложил метод атрибуции через «маркеры стиля». Радикальный пересмотр предложили А. П. Толочко (2008) и П. П. Толочко (2008), поставившие под сомнение саму идею «редакции Сильвестра».

Вторая линия — литературоведческая. И. П. Ерёмин (1946) первым систематически описал художественную структуру ПВЛ, выделив пять групп летописного повествования. Д. С. Лихачёв (1979) раскрыл «художественное единство» летописи и её «монументальный историзм». А. А. Шайкин (1989; 2011) показал, что ПВЛ — это целостное литературное произведение с продуманной композицией и «колесом истории». В. П. Адрианова-Перетц (1964), Е. В. Душечкина (1971) и другие исследователи раскрыли отдельные аспекты поэтики летописи.

Третья линия — историософская. М. Н. Громов (1975; 1976) показал, что ПВЛ — это первый опыт русской философии истории. И. Н. Данилевский (2004) предложил герменевтический подход, раскрыв «центонно-парафразный принцип» построения летописных текстов. С. В. Алексеев (2011) описал ПВЛ как «обретение истории» — переход от мифа к историческому сознанию. И. В. Николаева (2010) и А. Николов (2012) раскрыли механизмы конструирования образа «чужого» и «своего» в летописи.

Цель и задачи. Цель настоящей работы — сводный анализ истории изучения «Повести временных лет» и выработка интегративного подхода к его пониманию. Для достижения этой цели мы ставим перед собой четыре задачи. Первая — систематизировать историографию вопроса, выделив основные линии и этапы. Вторая — проанализировать ключевые проблемы: композицию, датировку, авторство, источники, историософию, поэтику. Третья — предложить компромиссные решения там, где это возможно, и очертить границы нерешённых вопросов. Четвёртая — наметить перспективы дальнейшего изучения памятника.

Методология. Наша работа строится на трёх принципах. Первый — историографический анализ: каждая глава прослеживает историю изучения одной проблемы, от первых публикаций XIX века до новейших исследований 2020-х годов. Второй — текстологический анализ: в центре внимания рукописная традиция, списки, редакции; мы идём от текста к смыслу, а не наоборот. Третий — комплексный подход: ПВЛ рассматривается одновременно как литературный памятник, исторический источник, историософский текст и политический документ.

Структура книги. Книга состоит из семи глав. Глава первая посвящена истории публикаций и рукописной традиции памятника. Глава вторая — проблеме авторства и соотношению «сводов» и «редакций». Глава третья — датировке и предшествующим сводам. Глава четвёртая — источникам ПВЛ: византийским, болгарским, апокрифическим, устным. Глава пятая — историософии и политической идеологии летописи. Глава шестая — поэтике и языку ПВЛ. Глава седьмая — этнокультурному контексту: образу «своего» и «чужого». В заключении подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшего изучения.

Новизна и актуальность. Настоящая работа — первый опыт сводного историографического анализа всех крупных исследований ПВЛ — от А. А. Шахматова до А. С. Щавелева и А. Николова. Мы не просто пересказываем чужие выводы, а выстраиваем их в единую картину и предлагаем компромиссные решения там, где это возможно. Актуальность работы определяется тем, что ПВЛ — ключевой текст русской историографии и первый опыт русской историософии; без его понимания невозможно понять ни последующую летописную традицию, ни историю русского литературного языка, ни политическую историю Киевской Руси.

Целевая аудитория. Книга адресована филологам-медиевистам, историкам, изучающим Киевскую Русь и русскую церковь, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов, а также образованным читателям, интересующимся древнерусской книжностью.

Автор надеется, что эта книга станет отправной точкой для новых исследований и поможет читателю увидеть в «Повести временных лет» не «музейный экспонат» и не «механический свод», а живой текст, который продолжает говорить с нами через века.

Глава 1. Текст и его судьба: от Лаврентьевского списка до критических изданий

1.1. Пять списков: рукописная основа

«Повесть временных лет» (ПВЛ) дошла до нас не в автографе, а в составе более поздних летописных сводов. Полный текст памятника сохранился в пяти основных списках XIV–XVI веков . Каждый из них представляет собой не «копию» ПВЛ в чистом виде, а начальную часть той или иной летописи, продолженной местным летописанием.

Лаврентьевский список (1377 г.) — древнейший датированный. Он хранится в Российской национальной библиотеке и содержит текст ПВЛ, обрывающийся на статье 1110 года, за которой следует запись игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра о написании им «летописца» в 1116 году . Эта приписка — один из ключевых пунктов всех текстологических дискуссий.

Радзивиловский список (кон. XV в.) и Московско-Академический список (кон. XV в.) вместе с Лаврентьевским образуют «лаврентьевскую» (владимиро-суздальскую) группу. Их общий протограф восходит к владимирскому своду второй половины XII века, а Радзивиловский и Академический — к своду начала XIII века .

Ипатьевский список (нач. 1420-х гг.) и Хлебниковский список (кон. 1550-х – нач. 1560-х гг.) образуют «ипатьевскую» (южнорусскую) группу. В них текст ПВЛ продолжен киевским сводом 1198 года и Галицко-Волынской летописью. Принципиальное отличие: в Ипатьевском и Хлебниковском запись Сильвестра отсутствует, а текст ПВЛ доведён до 1117 года .

Это фундаментальное расхождение — наличие или отсутствие приписки и разная точка обрыва текста — определяет деление списков на две ветви и порождает главный текстологический вопрос: какой из этих вариантов ближе к оригиналу?

1.2. Первые публикации и «академическое» издание Карского

Научное освоение текста ПВЛ началось с публикаций в составе «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ). Однако поворотным моментом стало издание Лаврентьевской летописи, осуществлённое в 1926–1928 годах под редакцией Е. Ф. Карского .

Это издание (ПСРЛ, т. I, вып. 1–3) было новаторским по своему подходу. Карский не просто «перепечатал» текст, а представил его в трёх выпусках: первый содержал собственно ПВЛ, второй — Суздальскую летопись по Лаврентьевскому списку, третий — продолжение до 1419 года. Именно это издание, воспроизведённое впоследствии репринтно, стало основным рабочим текстом ПВЛ для нескольких поколений исследователей .

1.3. «Handbuch zur Nestorchronik» Л. Мюллера: текстологический аппарат

Следующий этап связан с многотомным изданием Л. Мюллера «Handbuch zur Nestorchronik» (München, 1977–) . Это не просто публикация, а исследовательский инструментарий, включающий:

Том I: фотографическое воспроизведение текста ПВЛ по изданию Карского .

Том II: свод разночтений по основным спискам (подготовлен Л. Шеффлер).

Том III: полный словарь к ПВЛ (Б. Грёбер и Л. Мюллер) .

Том IV: немецкий перевод, реконструированный по шести спискам (Лаврентьевскому, Радзивиловскому, Академическому, Троицкому, Ипатьевскому, Хлебниковскому) .

Значение этого издания для нашей книги определяется не «новой концепцией», а новым уровнем доступа к материалу. Мюллер систематизировал то, что до него было разрозненно, и создал инфраструктуру для текстологических штудий.

1.4. Современные издания и переводы

В отечественной традиции ключевым стало издание ПВЛ в серии «Литературные памятники» (подготовка Д. С. Лихачёва и О. В. Творогова), а также публикация в «Библиотеке литературы Древней Руси» (БЛДР, т. 1, 1997) . Эти издания соединили академическую точность текста с параллельным переводом и развёрнутыми комментариями, сделав ПВЛ доступной не только специалистам, но и широкому читателю.

1.5. Дискуссия о соотношении списков и приписке Сильвестра

За внешней «простотой» пяти списков скрывается острейшая текстологическая проблема. Как отмечают исследователи, «материал неоднозначен и допускает несколько разных интерпретаций» . Ключевой вопрос: в каком направлении шло влияние между «лаврентьевской» и «ипатьевской» группами?

А. А. Шахматов предложил решение, согласно которому список типа Ипатьевского («редакция 1118 г.») вторично повлиял на протограф Лаврентьевского и Радзивиловского, в результате чего некоторые чтения «третьей редакции» проникли в «промежуточную» редакцию Сильвестра . Эта гипотеза была принята М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым, критиковалась В. М. Истриным и Л. Мюллером, а в последнее время активно развивается А. А. Гиппиусом.

Сам факт взаимодействия ветвей подтверждается многочисленными совпадениями Радзивиловского и Ипатьевского списков, противопоставляющими их чтения Лаврентьевскому . Однако направление этого влияния остаётся предметом спора.

Отдельный сюжет — приписка Сильвестра. А. П. Толочко (2008) показал, что её следует читать не как «скромную запись писца», а как свидетельство того, что Сильвестр был летописателем, а не простым копиистом . Более того, согласно реконструкции А. А. Гиппиуса, рукопись Сильвестра, вероятно, была оригиналом ПВЛ, а не одной из её копий .

1.6. Выводы

История текста ПВЛ — это история не «одного текста», а «текста в движении». Пять списков, две группы, приписка Сильвестра и расходящиеся точки обрыва создают картину, в которой каждый список является не «копией», а «свидетелем» сложного процесса бытования памятника.

От издания Карского через «Handbuch» Мюллера к современным переводам и текстологическим реконструкциям каждый этап решал свою задачу: Карский дал точный текст, Мюллер — аппарат, современные издания — доступность. Вместе они создали многослойную основу, на которой и строятся все последующие интерпретации — от споров о «сводах» (глава 2) до анализа историософии летописи (глава 5).

Глава 2. Проблема авторства и «сводов»: от Шахматова до наших дней

2.1. Постановка проблемы

Вопрос о том, кто и как создал «Повесть временных лет», — центральный в изучении памятника. От ответа на него зависит не только атрибуция текста, но и понимание самой природы древнерусского летописания: было ли оно индивидуальным авторским творчеством или коллективным монастырским трудом, в котором «автор» растворяется в череде безымянных «сводчиков» и «редакторов».

Полемика вокруг этой проблемы прошла несколько этапов, каждый из которых менял оптику и уточнял наши представления о тексте. Проследим её логику.

2.2. Классическая схема А. А. Шахматова: «три редакции» и «предшествующие своды»

Основы современного понимания истории текста ПВЛ были заложены А. А. Шахматовым в работах 1897–1916 годов. Его схема, при всей её сложности, может быть сведена к нескольким ключевым положениям.

Первое: ПВЛ — не «начало», а «этап». Шахматов доказал, что ПВЛ предшествовали несохранившиеся летописные своды. Он реконструировал «Начальный свод» (1090-е гг.), который, в свою очередь, опирался на «Древнейший свод» (1039 г.) и «Новгородский свод» (1050 г.). ПВЛ, таким образом, вобрала в себя предшествующую традицию и подчинила её своему замыслу.

Второе: ПВЛ прошла три редакции. Согласно Шахматову, первая редакция была создана Нестором около 1113 г.; вторая — Сильвестром в 1116 г. (отражена в Лаврентьевском списке); третья — анонимным автором в 1118 г., связанным с князем Мстиславом Владимировичем (отражена в Ипатьевском списке).

Третье: списки «контаминированы». Шахматов полагал, что сохранившиеся списки ПВЛ не являются «чистыми» отражениями какой-либо одной редакции. В каждом из них смешаны черты нескольких редакций — в результате взаимного влияния их протографов.

Эта схема на десятилетия стала господствующей. Однако она сразу же вызвала критику.

2.3. Критика Шахматова: от Истрина до Бугославского

В. М. Истрин (1923–1924) выступил с фундаментальной критикой метода Шахматова. Он упрекал его в «догматизме» и в том, что его построения не подкреплены достаточными доказательствами. Истрин настаивал: реконструкция «несохранившихся сводов» — это цепь «конъектур», а не доказанных фактов.

С. А. Бугославский (1941) развил эту критику. Он указывал, что Шахматов «основывается часто не на всех чтениях», а на «двух-трёх списках», и делает выводы на основе чтений, которые «могли возникнуть многократно в одной и той же форме». Более того, Бугославский считал, что Шахматов «модернизирует» летописца, приписывая ему «детальную сверку» и «правку» источников, которых в древнерусской практике не было.

Эта критика подорвала доверие к деталям схемы Шахматова, но не отменила её общего направления.

2.4. Методологический прорыв М. Х. Алешковского: «анналист» и «сводчик»

Следующий этап связан с работами М. Х. Алешковского (1969; 1971). Его новация была методологической. Он показал, что в любой летописи сохранились следы работы двух типов авторов:

Сводчиков (составителей сводов).

Анналистов (авторов погодных записей).

Алешковский пришёл к выводу, что фрагменты, принадлежащие анналистам, имеют определённые признаки, по которым их можно выделить из общего текста. Это позволило ему ликвидировать разрыв в методе, возникший между Шахматовым и предшествующей традицией.

На основе этого метода Алешковский выстроил свою схему: первая редакция ПВЛ — 1115 г., вторая (Сильвестра) — 1116 г., третья — 1119 г. Он также отождествил первую редакцию с реконструированным Шахматовым «Начальным сводом».

2.5. «Ревизия» О. В. Творогова и Л. Мюллера: отказ от «третьей редакции»

Однако Л. Мюллер (1967) и О. В. Творогов (1976) оспорили существование «третьей редакции» 1118 г. Мюллер объявил «недостаточными» основания, которые Шахматов приводил в её пользу. Творогов, проведя «сплошное» сопоставление ПВЛ и Новгородской I летописи, уточнил границы «Начального свода» и скорректировал представления Шахматова о том, какие фрагменты являются «дополнениями» создателя ПВЛ.

После их работ от «третьей редакции» в науке практически отказались.

2.6. Возвращение к «третьей редакции»: А. А. Гиппиус

Новый поворот связан с А. А. Гиппиусом (2007–2008). Он пересмотрел проблему, вернувшись к гипотезе о третьей редакции, но видоизменив схему Шахматова. Гиппиус принял некоторые аргументы критиков: он согласился, что Шахматов «преувеличил» степень контаминированности всех списков (хотя для Радзивиловского списка это действительно так).

Однако он пошёл дальше Шахматова в определении тех фрагментов, которые принадлежат третьей редакции. Его аргументация оказалась настолько весомой, что повлияла даже на Л. Мюллера, который пересмотрел свою точку зрения. Гиппиус подтвердил верность гипотезы Шахматова в целом, хотя и уточнил её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.